

«...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX – начала XX вв.

© 2023, К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)

Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: С начала XX в. лейтмотивом темы конца Петербурга служит т. н. «проклятие Евдокии»: «Петербургу быть пусту». Это контаминация двух цитат Петровской эпохи. Обе они при своем появлении не имели сколько-нибудь отчетливого эсхатологического звучания и обе не были известны в эпоху романтизма. С 1860-х гг. до начала XX в. пророчество «Быть ему пусту» цитировалось как формула ретроградов Петровской эпохи, причем в качестве предсказания или угрозы, но не заклęcia или проклятия. Актуальное эсхатологическое звучание придал ему Мережковский в романах «Петр и Алексей» (1904–1905), «Александр I» (1911–1912) и статье «Петербургу быть пусту» (1908). В политическую повестку дня формула «Петербургу быть пусту» вошла накануне и после Февральской революции, в связи со слухами о сдаче Петрограда немцам и переезде правительства в Москву. В дальнейшем пророчества XVIII–XIX вв. воспринимались уже глазами творцов Серебряного века. Результатом такой искаженной оптики стало представление о формуле «...быть пусту» как изначальном проклятии, тяготеющем над Петербургом, и отождествление этой формулы с эсхатологией старообрядцев.

Ключевые слова: Петербургский текст, петербургский миф, эсхатология, пророчества, русские символисты, царевна Евдокия, Петр I, Д.Л. Мордовцев, Д.С. Мережковский, В.Н. Топоров.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nln.ru

Для цитирования: Душенко К.В. «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX – начала XX вв. // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 173–194. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-173-194>

Тема грозящего Петербургу запустения и гибели — неотъемлемая часть «петербургского мифа», включающего в себя миф о начале города и миф о его конце. Согласно Владимиру Топорову, автору термина «петербургский текст», «...идея конца стала сутью города, вошла в его сознание». «Знамения будущего, судьбы положены в Петербурге плотнее, гуще, явственнее, чем в каком-либо ином месте России»; в сущности, это «дивинации и пророчества на тему русской истории, рассматриваемой *sub specie* Петербурга» [16, с. 51–52, 56].

С начала XX в. лейтмотивом темы конца Петербурга служит т. н. «проклятие (или: заклятие) Евдокии». Обычно «проклятие» цитируется в форме «Петербургу быть пусту», хотя эта формула принадлежит новейшему времени. Она появилась в результате контаминации двух цитат Петровской эпохи: «Быть ему пусту» и «Питербурх пустеть будет».

Ранние пророчества о запустении Петербурга

Речение «Быть ему пусту» взято из показаний царевича Алексея на следствии в феврале 1718 г. Его мать, царица Евдокия (Авдотья) Лопухина, первая жена Петра I, в 1699 г. была пострижена в монахини в Суздальско-Покровском монастыре, где и оставалась до 1727 г. Сестра Петра Марья постоянно общалась с Евдокией, разделяла ее неприятие петровских реформ и передавала бывшей царице письма сына. В начале октября 1716 г., во время бегства за границу, Алексей, подъезжая к Либаве, встретил тетку, возвращавшуюся из Карлсбада после лечения. Среди прочего Марья рассказывала:

...И было-де откровение ей самой [Евдокии] и иным <...>, что отец твой будет болен и во время болезни его будет некое смятение, и приедет-де отец в Троицкий монастырь на Сергиеву память, и тут мать твоя будет же, и отец исцелет от болезни, и возьмет ее к себе и смятение утишится. <...> Еще-де сказывала, что Питербурх не устоит за нами: «Быть-де ему пусту; многие-де о сем говорят»¹.

«Откровение», вероятно, посетило Евдокию в начале 1716 г., когда до Суздаля дошли вести о резком ухудшении здоровья Петра и его смерть казалась вполне вероятной. Стоит заметить, что слова Евдокии «Быть ему пусту» относятся к модусу прорицаний («будет пуст»), но не к модусу заклятий или проклятий («чтоб ему быть

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей. С. 457.

(всегда) пусту»). Тем не менее с начала XX в. формула «Быть ему пусту» обычно цитируется как заклятие или проклятие.

Уточнение «ей <...> и иным» следует отнести к ростовскому епископу Досифею (Глебову), который, собственно, и внушил Евдокии мысли, содержащиеся в «откровении». В ходе т. н. суздальского розыска (март 1718 г.) певчий Евдокии с двух пыток показал, что Досифей сказывал ей о своих видениях и пророчествах, в частности, что «государь возмет бывшую царицу, и будут у нее два детища», а сам Досифей признался, что неоднократно пророчествовал, «чтоб быть царевичу Алексею Петровичу на царстве, и было б народу легче, и *строение Петербурга умалилось и престало*» (курсив наш. — К.Д.)². На архиерейском соборе 10 марта 1718 г., который изверг Досифея из духовного сана, он фактически подтвердил показания, данные под пыткой: «Только я один в сем деле попался. Посмотрите и у всех что на сердцах? Извольте пустить уши в народ, что в народе говорят»³.

Следующее пророчество о запустении новой столицы относится к декабрю 1722 г. В Петровской церкви Святой Троицы (первом кафедральном соборе Петербурга) по ночам стали слышать странные звуки: «великий стук с жестоким страхом, подобием бегания». Поп Герасим Титов решил, что в храме завелась кикимора. Дьякон Федосеев возразил: не кикимора, а черт, и увидел в этом знамение: «Санкт-Питербурху пустеть будет».

«Дело получает огласку», — сообщает М.И. Семевский в историческом очерке «Тайная канцелярия при Петре Великом»:

— Что у вас за черти возятся? — спрашивает протопоп Симеон попа Титова.

<...> Следуют затем подробности о таинственном явлении.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, — замечает протопоп.

— Питербурху, Питербурху пустеть будет, — вмешивается отец дьякон. <...>

Болтовня иереев вызвала в черни «непристойные разговоры»⁴.

Сам Федосеев на распросе объяснял, явно лукавя:

² См.: [10, с. 157].

³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 215.

⁴ Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700–1725 / 2-е изд., пересм. и испр. СПб.: Тип. В.С. Балашева; Изд-во ред. журн. «Русская старина», 1884. С. 87–89.

А толковал с простоты своея, в такой силе: понеже императорского величества при С.-Питербурге не обретається, и прочие выезжают, так Питербурх и пустеет.

Следствие ему не поверило, и толкователь был осужден на три года каторги⁵.

Оборот «(городу, месту) быть пусту», по-видимому, не встречается ни в древнерусской, ни в позднейшей литературе до публикации «заключения» Евдокии (1859), однако имеет ряд параллелей в Ветхом Завете. В Книге Иеремии многократно говорится о запустении как каре Господней. В гл. 22 речь идет о Иерусалиме накануне Вавилонского пленения:

3 Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте *на месте сем* (курсив здесь и далее наш. — К.Д.) <...>.

5 А если не послушаете слов сих, то <...> *дом сей сделается пустым* (ц.-сл. в пустыню будет).

В гл. 51 речь идет уже о Вавилонском царстве (ц.-сл. пер.):

29 ...Воста на Вавилон умышление Господне, еже положити *землю* Вавилонску *пусту* и ненаселену <...>.

37 И *будет* Вавилон *в запустение* <...>.

42 Взыде на Вавилон море в шуме волн своих, и покрыся (синод. пер.: Устремилось на Вавилон море; он покрыт множеством волн его).

43 *Быша* гради его *в запустение* <...>.

В сходных выражениях говорит псалмопевец (Пс. 68:26) о своих врагах-беззаконниках, т.е. преступающих закон Божий: «*Да будет двор их пуст*».

Ближе всего к «заключению» Евдокии оборот из гл. 22 Иеремии «в пустыню будет», относящийся к «граду великому» (Иерусалиму). Вариант «Месту сему быть пусту», созданный Мережковским, по-видимому, восходит к стихам Иер. 22:3, 5.

К.А. Кумпан и А.М. Конечный однозначно возводят «откровение» Евдокии к стихам Иер. 51:42–43, усматривая в нем аллюзию

⁵ Там же. С. 95.

на гибель Петербурга от воды [12, с. 58]. Однако такой выбор совершенно произволен; единственное его обоснование — представление о древности «петербургской легенды о наводнении». Между тем в ранних «петербургских пророчествах» мотива наводнения вовсе нет⁶.

Несмотря на свое родство с ветхозаветными пророчествами, «заклятие» при своем появлении не имело сколько-нибудь отчетливого эсхатологического звучания. Эсхатологические ожидания господствовали в старообрядческой среде, с которой Евдокия, Досифей и, как можно полагать, дьякон Федосеев ничего общего не имели. Досифей был видным иерархом государственной, «никоновской» церкви, верность которой хранила и Евдокия, а Федосеев служил в столичном кафедральном соборе. Для Евдокии и Досифея запустение Петербурга было не концом русского царства, и уж тем более не концом света, а символом и условием *возвращения к норме*, как они ее понимали, — т. е. к совсем еще недавним допетровским (но не дониконовским) порядкам. В «пророчествах» Досифея, по сути, излагалась вполне конкретная политическая программа.

Есть все основания полагать, что царевич Алексей был еще менее подвержен эсхатологическим настроениям, нежели Евдокия и ее круг. За границей он покупал и читал (на полях сохранились пометки) польские католические катехизисы и лютеранские немецкие руководства к благочестивой жизни. «Это благочестие Европы позднего барокко, но не традиционного московского православия» [3, с. 99].

Связь «пророчества» 1722 г. с эсхатологическими ожиданиями также крайне сомнительна, зато несомненна его связь с народными суевериями. Для тогдашнего церковного сознания все персонажи народной демонологии были бесами; тем легче было отождествить с чертом кикимору — единственный домашний дух, наделенный только «вредительскими» чертами. Появление кикиморы в доме предвещало какое-либо неблагополучие. С.В. Максимов приводит быличку, записанную в XIX в. в Вятской губернии: «Никого не видно, а человеческий голос стонет. <...> Так и выжила кикимора хозяев из дому»⁷.

Почти точный аналог эпизода в Троицкой церкви («великий стук с жестоким страхом») мы находим в быличке о кикиморе, записанной в Восточной Сибири в XX в. В новопостроенном доме «ночью

⁶ Об этом подробнее см. нашу статью: [9, с. 34–54].

⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 188.

уж такой тарарам подымается, будто ведра друг о дружку стучаются, переворачиваются. <...> И так повторялось каждую ночь. <...> Жуть стала брать всех. Продали дом и уехали»⁸.

Появление кикиморы в храме можно было счесть знаменем его запустения; поскольку же храм был главным собором столицы, знамение отнесли к городу в целом. В древнерусской эсхатологической литературе указано множество признаков наступления «последних времен», но о кикиморе там речи нет. «Толкование» Федосеева было не пророчеством в ветхозаветном смысле, а проявлением суеверного страха: в отличие от суздальских противников Петра, дьякон и его сотоварищи из церковного причта не имели особых причин желать запустения Петербурга. Этот страх на некоторое (едва ли на долгое) время охватил также часть горожан.

Что же касается старообрядцев, то для них царство Антихриста началось в правление Алексея Михайловича, вместе с реформами Никона. Как писал митрополит Димитрий Ростовский в 1709 г.,

...скажут, аки бы уже давно воцарился антихрист мысленне (духовно, не во плоти. — *К.Д.*), от того времени, в неже наста в Москве книжное исправление; и аки бы Москва есть Вавилон и антихристова царства престол; и аки бы уже настоят время втораго страшнаго Христова пришествия и дне суднаго <...>.

...Глаголют <...>, акибы антихрист царствует на Москве, и нарицают царствующих град Вавилоном, безчестно того укоряюще⁹.

Вскоре «царствующих градом» стал Петербург, однако — это следует подчеркнуть — в сознании староверов он не занял место Москвы как нового Вавилона. Хотя сторонники учения о «чувственном Антихристе» (Антихристе во плоти) объявляли таковым Петра, о новой столице при этом не упоминалось. Это положение не изменилось и в XIX в. Для Ивана Ипатова, автора «Разглагольствования тюменского странника» (1838–1842), центром антихристова царства по-прежнему остается «Москва» — не как город, а как метонимия русского государства [7, с. 9].

⁸ *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 86.

⁹ *Димитрий, митрополит Ростовский.* Розыск о раскольнической брынской вере: О учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодна / 5-е изд. М.: Синодальная тип., 1745. С. 101, 111.

Р. Николози, выражая господствующую точку зрения, утверждает, что из отождествления Петра I с Антихристом «происходит, по закону простого силлогизма, и отождествление города Петра с городом Антихриста, то есть с проклятым Богом Вавилоном (курсив наш. — К.Д.)» [13, с. 48].

В качестве единственного подтверждения этого тезиса приводится наименование Петра «царем вавилонским». Но, как мы видели выше, отсюда вовсе не вытекало отождествление «града Петрова» с градом антихристовым; «простой силлогизм» оказывается умозрительным построением.

В. Топоров, ссылаясь на духовные песни XIX в., считал возможным говорить о бытовавшей у старообрядцев особой версии Петербурга — «некогда райского праведного места, а теперь несчастного города, расставшегося с “живым Богом”» [16, с. 69]. Между тем под видом старообрядческих он цитировал скопческие песни¹⁰.

Процитируем Топорова еще раз:

Все помнят того несчастного дьяка (т. е. дьякона. — К.Д.), который, как обезумев (этого из документов вовсе не следует. — К.Д.), твердил свое «Петербургу быть пусто» (т. е. «Питербурху пустеть будет». — К.Д.), когда закладывались первые камни в основание будущего города (на самом деле два десятка лет спустя. — К.Д.). Это пророчество, по временам уходящее в скрывающую его тьму, всегда жило, в нужный момент выходило наружу <...> [16, с. 51].

Другого мнения — как мы полагаем, гораздо более верного, — держался Владимир Вейдле: «...Пророчества и предчувствия [Петровской эпохи] сперва подремали под спудом добрый век. О них почти не помнили при Екатерине, при Александре I» [4, с. 207].

Еще менее помнили о них при Николае I, в эпоху расцвета романтических образов гибели Петербурга.

Рецепция ранних пророчеств в XIX в.

В ноябре 1824 г. Пушкин писал брату Льву из Михайловского о недавнем наводнении Санкт-Петербурга: «Что это у вас? потоп! *ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet*»¹¹ (курсив наш. — К.Д.).

¹⁰ См.: [15, с. 508–513].

¹¹ Вот прекрасный случай вашим дамам подмыться (*фр.*).

А.Л. Осповат заключил отсюда, что Пушкину «сразу же пришло на память старинное предсказание: “Санкт-Петербурху пустеет (так в тексте. — К.Д.) будет!”» [14, с. 6]. Так же считала американка Моника Гринлиф:

Пушкин начинает письмо с библейского проклятия, тяготеющего над Петербургом, из которого он, зловещий пророк, был изгнан <...>. Дополнительный оттенок иронии возникает вследствие того, что переиначивает он проклятие *женщины*, отвергнутой и сосланной жены Петра I, Евдокии: «Петербургу быть пусту!» [6, с. 44].

Но тут мы имеем дело с аберрацией читательского восприятия. «Заклятие» Евдокии дремало под спудом почти полтора века и «вышло наружу» лишь в 1859 г., когда Н.Г. Устрялов опубликовал документы следственного дела царевича Алексея. Слова дьякона Федосеева появились в печати и того позже — в 1884 г. До этого оба пророчества были неизвестны в русском образованном обществе. Нам вообще неизвестны случаи употребления в литературе архаического оборота «(городу, месту) пустеть будет» до публикации «пророчества» дьякона Федосеева (1884). Предсказания девятнадцатого века о запустении и гибели Петербурга возникли *независимо* от ранних пророчеств и имели существенно иную мотивировку¹².

С конца 1850-х гг. и до начала XX в. пророчество «Быть ему пусту» прозябало на обочине русской культуры. Косвенно оно упомянуто в замечаниях Достоевского на статью М.И. Семевского о царевиче Алексее (1860; опубл. посмертно): «...Сношения с матерью, <...> видения, предсказания, бегство к Цесарю <...> показывают, что если б только была хоть малейшая возможность, он восстал бы на отца»¹³ (курсив наш. — К.Д.).

К «заклятию» Достоевский специального интереса не проявил: для него это не более чем одно из многих свидетельств намерения Алексея покончить с делом отца.

Хотя в романах и повестях Достоевского «призрачность» — сущностное свойство Петербурга, однако она лишена политического измерения и не связана с апокалиптическими представлениями о «новом Вавилоне». В роли ветхозаветного пророка, вещающего о гибели великой столицы, Достоевский выступил в одной из бесед

¹² Подробнее об этом см.: [9, с. 34–54].

¹³ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 106.

с французским критиком Эженом де Вогюэ, но тут речь шла отнюдь не о Петербурге:

Он говорил о Париже с жаром библейского негодования, как Иона, вероятно, говорил о Ниневии. Я записал его слова: «Однажды ночью в “Английском кафе” появится пророк и начертает на стене три пламенных слова. Это станет знаком конца старого мира, и Париж рухнет в крови и пожарах со всем, что составляет его гордость, с его театрами и его “Английским кафе”...»¹⁴.

Свидетельство де Вогюэ вполне согласуется с многочисленными печатными высказываниями Достоевского о Западной Европе, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863), где речь шла о Лондоне: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса <...>»¹⁵.

Так же смотрели на «заклятие» современники Достоевского, притом что книга Устрялова вызвала множество откликов и стала предметом бурной полемики о личности Петра. С 1860-х гг. «заклятие» появляется в публицистике и беллетристике, нередко без ссылки на Евдокию. Слова «Быть ему пусту» цитировались как формула ретроградов Петровской эпохи, как «чужое слово», причем в качестве предсказания или угрозы, но не проклятия или заклęcia. В романах Г.П. Данилевского они дважды приведены как слова царевича Алексея — оба раза как угроза и непреложное намерение оставить Петербург, но не как пророчество¹⁶.

В очерке Л.К. Панютинна «Зеленая зима» (1872) возникает извечный мотив запустения Петербурга, утратившего статус столицы:

...Петербург, превращенный в провинциальный город, — что он будет такое? «Быть ему пусту!» — предсказывали ретрограды времен Петра Великого, «не в авантаже обретавшиеся» в его про-

¹⁴ *Vogüé E.-M. de. Le roman russe. Paris: Plon, 1886. P. 271.* Согласно Л. Гроссману, эта беседа велась «на террасе Английского кафе» в Париже [*Гроссман Л.П. Собр. соч.: в 5 т. М.: Соврем. проблемы, 1928. Т. 2: Творчество Достоевского. С. 162*]. В действительности она происходила в Петербурге в последние годы жизни Достоевского.

¹⁵ *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 73.*

¹⁶ *Данилевский Г.П. На Индию. Историческая повесть из времен Петра Великого // Вестник Европы. СПб.: Д.Н. Овсяннико-Куликовский, 1880. № 12. С. 582; Данилевский Г.П. Царевич Алексей: Окончание // Русская мысль. М.: Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1892. Кн. 2. С. 17 (1-я pag.).*

грессивное царствование, и это зловещее предсказание исполнилось бы до некоторой степени с переводом столицы в другой город¹⁷.

Особняком в тогдашней литературе об эпохе Петра стоит роман Даниила Мордовцева «Идеалисты и реалисты» (1876). Здесь впервые в ткань повествования введены раскольничьи легенды о царе-Антихристе, а кроме того, широко используется прием монтажа фольклорных преданий и песен с историческими документами. То и другое заметно повлияло на роман Мережковского «Петр и Алексей», где есть и прямые заимствования из романа Мордовцева. Так же, как позднее у Мережковского, царевич Алексей выведен у Мордовцева невинной жертвой и народным заступником, а мироощущение противников Петра окрашено в эсхатологические тона: «И везде только и слышно: бес да Антихрист, да во образе змия, да во образе зверя, последние дни да Страшный суд...»¹⁸

В том же ключе дана тема запустения Петербурга:

...Русские люди строят постылый для них Питер.

<...> Что-то выйдет, — думают русские люди, — из этого нового Вавилона?.. Не запустеет ли он со смертью царя, как запустел старый Вавилон?.. <...> «Се мимо иде — и се не бе...»¹⁹.

Закавыченная цитата — стих из Книги Псалмов, 36:36, *ц.-сл.* «И мимо идох, и се не бе». Это не просто сентенция о бренности всего сущего, но часть пророчества, относящегося к нечестивому владыке; в синодальном переводе: «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; / но он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу».

Здесь Мордовцев, как прежде Мицкевич в цикле «Отрывок» (1832) и М.А. Дмитриев в стихотворении «Подводный город» (1847), близко подходит к идее изначального проклятия Петербурга, которую возвел в канон Мережковский почти тридцать лет спустя.

Однако до начала XX в. миф об изначальном проклятии Петербурга еще не был принят культурным сознанием. Симптоматично, что в следующих четырех романах Мордовцева о Петровской эпохе образ Петра менялся в лучшую сторону; в последнем из этих рома-

¹⁷ *Панютин Л.К.* Рассказы Нила Адмирари. СПб.: Тип. А. Краевского, 1872. Т. 1. С. 97.

¹⁸ *Мордовцев Д.Л.* Идеалисты и реалисты: Ист. роман. СПб.: А.С. Суворин и В.И. Лихачев, 1878. С. 289.

¹⁹ Там же. С. 90–91.

нов («Державный плотник», 1899) царь изображен уже «гением», «исполином», «титаном».

Рождение символистского мифа о гибели Петербурга

Актуальное эсхатологическое звучание ранним пророчествам о судьбе Петербурга придал именно Мережковский — религиозный мыслитель, которому в высшей степени было свойственно апокалиптическое «чувство конца». В романе «Петр и Алексей» (1904–1905) он связал мотив обреченности града и мира с «заклятием» Евдокии, истолкованным в духе эсхатологии старообрядцев; начало города он связал с его концом. Тогда-то и родилась символистская «петербургская легенда».

Роман был задуман словно бы по цитировавшейся выше формуле В. Топорова: «дивинации и пророчества на тему русской истории, рассматриваемой *sub specie* Петербурга». Начинается он словами: «Антихрист хочет быть. <...> При дверях уже — скоро будет!», а заканчивается возгласом: «Осанна! Антихриста победит Христос»²⁰. Между этими возгласами рассыпано огромное множество видений, знамений, мистических снов, проклятий и прорицаний.

Пророчество-проклятие «Быть ему пусту» дважды произносит царица Марья, а потом повторяет Алексей. Марья еще добавляет: «Быть пусту, быть пусту! К черту в болото провалится!»²¹ Это «болото» восходит к Достоевскому: в видении героя «Подростка» Петербург исчезает как дым, и остается лишь «прежнее финское болото»²².

Наводнение 1715 г. описано, вопреки фактам, как библейский потоп: «...Кое-где над водою торчавшие башни, шпицы, купола, кровли потопленных зданий»; город «погибал между двумя стихиями — горел и тонул вместе. Исполнялось пророчество: “Питербурху быть пусту”»²³.

Рассказав историю с кикиморой в Троицкой церкви, Мережковский добавляет к ней еще семь зловещих знамений в стиле римских историков, а заканчивает пророчеством о конце света:

Где-то явился пастух о пяти ногах. На Ладогe выпал кровавый дождь; земля тряслась и ревела, как вол; на небе было три солнца.
— Быть худу, быть худу, — повторяли все.

²⁰ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 319, 759.

²¹ Там же. С. 385.

²² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 14. С. 113.

²³ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 472.

- Питербурху пустеть будет!
 — Не одному Питербурху — всему миру конец! Светопреставление! Антихрист!²⁴

Мироощущение едва ли не всех противников Петра сближается, а то и прямо отождествляется с мироощущением старообрядцев. Богоискатель Тихон, своего рода попаданец из начала двадцатого века в начало восемнадцатого, слушает старообрядческую легенду «о невидимом Китеже-граде»²⁵ в версии Мельникова-Печерского («В лесах», ч. 4, 1873). Царевне Марфе видится, что ее почивший супруг царь Феодор «вернется в свою землю с грозною ратью, в силе и славе <...> и низринут будет Антихрист со всеми своими немцами. Тогда скоро и миру конец и второе страшное пришествие Христово»²⁶.

Дневник царевича Алексея пестрит упоминаниями об Антихристе и «последних временах»; его самого влечет к «последним сих времен мученикам»²⁷. Царевич к тому же свято верит в то, что «Церковь больше царства земного», «Священство выше царства»²⁸; между тем при его деде Алексее Михайловиче патриарх Никон именно за это был извержен из сана и именно в этом пункте он сходиллся со старообрядцами.

Тот же эсхатологический миф представлен в романе Мережковского «Александр I» (1911–1912), в котором наводнение 1824 г. символизирует неизбежную гибель столицы.

В промежутке между романами о Петре I и Александре I увидела свет статья Мережковского «Петербургу быть пусто» («Речь», 21 декабря 1908 г.²⁹). Эта формула, насколько нам известно, здесь появилась впервые, хотя К.А. Кумпан и А.М. Конечный, разделяя общее мнение, указывают: «...Предсказание, отлившееся в XIX в. в устойчивую формулу “Петербургу быть пусто”» [12, с. 58].

За «заклятием» Евдокии в статье рефреном следуют другие пророчества в том же роде:

²⁴ Там же. С. 612.

²⁵ Там же. С. 370.

²⁶ Там же. С. 383.

²⁷ Там же. С. 456.

²⁸ Там же. С. 452, 483.

²⁹ В сборнике Мережковского «Большая Россия» (СПб.: Книгоизд-во «Общественная польза», 1910. 276 с.) статья получила название «Зимние радуги».

...Злое пророчество, то самое, за которое в 1703 году, при основании города, били кнутом, ссылали на галеры, рвали ноздри и резали языки: «Петербургу быть пусту» (курсив наш. — К.Д.);

...Русские люди, насильно загнанные в «Парадиз», говорили, что здесь жить нельзя, что город будет снесен водою или провалится в трясины <...>.

Сведущие люди уверяют, будто бы холера никогда не кончится и устье Невы делается необитаемым, как устье Ганга: «Петербургу быть пусту»;

...Что-то <...> заставляет меня испытывать вновь знакомое «чувство конца», видеть в лице Петербурга то, что врачи называют *facies Hippocratica*, «лицо смерти»³⁰.

Искусственно созданному Петербургу Мережковский, по устоявшейся традиции, противопоставляет естественно выросшую Москву, которая именно поэтому «ближе к подлинной святой Европе»³¹. Он предвидит конец «Петербургского периода русской истории», но этот конец станет началом новой эпохи: «Смерть России — жизнь Петербурга; может быть, и наоборот, смерть Петербурга — жизнь России?»³²

Неделю спустя после публикации статьи Мережковского Тэффи иронизировала:

Слышали мы лозунг: «Быть Петербургу пусту».

Le grand mot est lancé!³³ Засыпано зерно. Заработала вся мельница. <...> Полетела мякина и прах зерновой: статьи, статейки, стихи, фельетоны. «Пусту! пусту! пусту — ру-ту-ту!» (Чающие от юродивого // Речь. 1908. 29 декабря)³⁴.

Однако после 1917 г. в статье Мережковского увидели сбывшееся пророчество, постепенно предав забвению ее основной посыл: «Смерть Петербурга — жизнь России». Позднейшие авторы черпали

³⁰ Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 113, 114, 115.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 121.

³³ Брошено великое слово! (фр.)

³⁴ Тэффи. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: РХГИ, 1999. Т. 1. С. 421.

высказывания, связанные с петербургскими мифами, прежде всего у Мережковского и воспринимали их сквозь призму его сочинений.

Мережковский утвердил в культурном сознании представление о формуле «Петербургу быть пусто» как изначальном проклятии, тяготеющем над новой столицей; поэтому очень часто ранние «петербургские пророчества» относят к моменту основания города. Примером может служить приводившаяся выше цитата из В. Топорова: «...твердил <...> “Петербургу быть пусто”, когда закладывались первые камни...»; также: «...“Креативный” и эсхатологический мифы <...> возникли в одно и то же время (при самом начале города)» [16, с. 23].

Ретроспективно представление об изначальном проклятии было распространено на культурное сознание предшествующих эпох; так появился фантом «фольклорной петербургской легенды» о предвещенной гибели Петербурга от наводнения.

Год спустя после статьи Мережковского в журнале «Весы» (1909, № 10/11) было опубликовано стихотворение Зинаиды Гиппиус «Петербург». Заканчивалось оно строфами, вытканными по канве Мережковского:

Как прежде, вьется змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный,
Всеочищающий огонь.

Нет, ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг.
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк³⁵.

Стихотворение, замечает Н. Анциферов, «написано с той силой ненависти, которую знали исповедники древнего благочестия, предсказавшие граду Антихриста гибель: Петербургу быть пусто» [1, с. 163]. Этот комментарий любопытен как пример влияния Мережковского на исследователей «петербургского мифа»: Анциферов явно имел в виду старообрядцев, хотя прорицание «Быть ему [Петербургу] пусто» принадлежало не им и до Мережковского не связывалось с идеей «града Антихриста». В современной литературе «заклятие» очень часто приписывают староверам, например:

³⁵ Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения; Проза. Л.: Худож. лит., 1991. С. 118.

«...старообрядческие пророчества о Петербурге: “не устоит”, “быть пусту”» [2, с. 110]; «Петербургу быть пусту» — «староверческий лозунг» [11, с. 71].

Пророчество из романа Мережковского «Александр I»: «...Санкт-Петербургу конец, и месту сему быть пусту»³⁶ — принадлежит самому Мережковскому и, вероятно, восходит к Книге Иеремии, 22:3, 5 (см. выше).

Формула «Месту сему быть пусту» сразу же обрела популярность среди литераторов. На заседании Общества поэтов 7 мая 1913 г. предполагалось чтение стихотворений, «относящихся до красоты Петербурга», причем в извещении руководителя Общества Николая Недоборова содержалась крайне симптоматичная оговорка: «...Стихи о Петербурге на тему “месту сему быть пусту” едва ли соответствовали бы духу предполагаемого заседания»³⁷.

С перестановкой слов («Быть пусту месту сему...») эта формула стала одним из эпиграфов к эпилогу третьей части «Поэмы без героя» Анны Ахматовой (1940–1962). В первой части «Поэмы...» о Петербурге сказано: «царицей Авдотьей заклятый»³⁸. К этой строке, по-видимому, и восходит оборот «заклятие Евдокии».

В романе Андрея Белого «Петербург» (1913) заметны мотивы эсхатологии Владимира Соловьева, Мережковского и самого Андрея Белого:

Раз взлетев на дыбы и глазами меряя воздух, медный конь копыт не опустит: прыжок над историей — будет; великое будет волнение; рассечется земля; самые горы обрушатся от великого труса; а родные равнины от труса изойдут повсюду горбом. На горбах окажется Нижний, Владимир и Углич.

Петербург же опустится³⁹.

Другие авторы (Лесков, Мережковский, Потапенко) в том же контексте использовали слово «провалится». Фраза «Петербург же опустится», как мы полагаем, содержит в себе «спрятанную» отсылку к формуле «Петербургу быть пусту»; такого рода звуковые ассоциации обычны у Белого.

³⁶ Мережковский Д.С. Большая Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. Т. 3. С. 336.

³⁷ Блок А.А. Письма Александра Блока / вступ. ст. и примеч. С.М. Соловьева и др. Л.: Колос, 1925. С. 212.

³⁸ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 604.

³⁹ Белый А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Проза. С. 71.

Критик Александр Гидони в рецензии на роман счел себя обязанным выступить в защиту родного города:

Всякие же вариации «призрачности» Петербурга как индивидуального ощущения и модные нынче пророчества в духе Мережковского на тему «Петербургу быть пусто» суть не более как литературные упражнения <...>. Ибо страна наша знает Петербург как реальность, как факт, засвидетельствованный двумя веками русской истории. <...> Если и впрямь «Петербургу быть пусто», — он продолжит свою жизнь в Тамбове, Рязани, Твери, Томске и, скажем наконец, в Москве⁴⁰.

В 1915 г. петербургский библиограф А.С. Поляков писал московскому издателю Л.Э. Бухгейму: «...Москва, действительно, сердце России, а Петроград <...> геморроидальная шишка коллежского асессора, который Петроград принимает за Россию “Быть ему пусто”, — *недаром говорили старообрядцы* (курсив наш. — К.Д.)» (цит. по: [8, с. 175]).

Рюрик Ивнев в воспоминаниях дважды датировал статью Мережковского «Петербургу быть пусто» 1916 годом⁴¹. Этот хронологический сдвиг не случаен: формула Мережковского вошла в политическую повестку дня накануне и после Февральской революции, в связи со слухами о сдаче Петрограда немцам и переезде правительства в Москву. Собственно, только тогда, на самом исходе Петербургского периода, «идея конца» действительно стала, говоря словами Топорова, «сутью города, вошла в его сознание», — хотя позже стало казаться, будто так было всегда.

По воспоминаниям Георгия Иванова, летом 1917 г. «Троцкий и Борис Савинков <...> нередко сидели за одним и тем же “артистическим” столом в “Привале комедиантов”. <...> Савинков охотно читал нараспев только что сочиненные стихи, где говорилось, что все идет к черту и Петербургу “быть пусто”»⁴².

Статья «Страшное пророчество», помещенная в эмигрантской газете «Свободная Россия» (Чикаго) от 19 февраля 1918 г., начиналась со слов: «“Петербургу быть пусто”. Еще немного, и угроза,

⁴⁰ Гидони А. Омраченный Петроград // Андрей Белый: pro et contra: личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. СПб.: РХГИ, 2004. С. 445 (1-я публ.: Аполлон. 1916. № 9/10).

⁴¹ Ивнев Р. Встречи с М.А. Кузминым // Звезда. М., 1982. № 5. С. 164; Ивнев Р. О Сергее Есенине // Ивнев Р. У подножия Мтацминды: Мемуары. Новеллы разных лет. Повесть. М.: Сов. писатель, 1973. С. 52.

⁴² Иванов Г. Закат над Петербургом // Возрождение. Париж, 1953. № 27. С. 435.

казавшаяся нелепой, написанное ненавистью пророчество может стать действительностью, превратиться в событие, нестерпимое для сознания» (цит. по: [12, с. 111]).

В романе Марка Алданова «Бегство» (1930) повествователь вспоминает о зиме 1917–1918 гг. в Петербурге: «...предмет, единственно всех тогда занимавший: говорили о том, что надо уезжать, что “быть Петербургу пусту” (кто-то разыскал и пустил это старинное предсказание)»⁴³.

Не приходится сомневаться, что сам Алданов прекрасно знал, кто и когда «пустил предсказание».

27 февраля 1918 г. Максимилиан Волошин писал из Коктебеля:

Немецкое завоевание [Петрограда] неизбежно, но оно ужаснее всего. Оно слишком многих должно соблазнять иллюзией и обещанием какого-то порядка... но это будет порядок похоронной процессии. «Петербургу — быть пусту». Помните это пророчество Петровских времен? Сейчас совершается трагедия не России, а Петербурга. Жду с напряженным вниманием и ужасом момента, когда он будет взят немцами: в этот миг, представляется мне, вдруг и сразу осветится его судьба, та историческая ошибка, которая породила проклятие, на нем лежащее⁴⁴.

12 марта 1918 г. правительство покинуло Петроград. Видный кадет Николай Устрялов увидел в этом предвестие распада государства:

...Русская литература, и публицистика русская словно чурались его [Петербурга], подходили к нему боязливо, точно к наваждению... А некоторые, возбужденные экстатической враждою, даже творили заклинания: «Петербургу быть пусту»...

...Опрокинута Империя, исчезло то злое, что в последние годы или, быть может, десятки лет она с собою несла. Но вместе со злом уничтожено и великое дело ее, разрушен великий подвиг собирания государства, созидания державы⁴⁵. Вновь торжествует на Руси древний русский хаос, разбит невский гранит, празднуют праздник центробежные силы, бунтует русская вольница, и одинок Медный

⁴³ Алданов М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Пресса, 1991. Т. 3. С. 258.

⁴⁴ Волошин М.А. Из литературного наследия. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. С. 201.

⁴⁵ Три года спустя, став идеологом сменовеховства, Устрялов переменял свое мнение.

Всадник на Сенатской площади. Словно исполнились неистовые интеллигентские заклятья — «Петербургу быть пусту»...⁴⁶

Как видим, для Устрялова, в отличие от большинства его современников, формула «быть пусту» не что иное как интеллигентское заклятье.

Безнадежной попыткой преодолеть «заклятие Евдокии» стало опубликованное в апреле 1918 г. контр-заклинание петербургского поэта и критика Владимира Гиппиуса: «Новгород — Киев — Москва — Петербург, или Новгород, придвинутый к морю! А четвертому не быти! Или — не быть — России!»⁴⁷.

В декабре 1918 г. Игорь Северянин пишет «Отходную Петрограду», повторяя мотив изначального проклятия городу:

Ты проклят. Над тобой проклятья.
Ты точно шхуна без руля.
Раскрой же топкие объятия,
Держащая тебя земля⁴⁸.

В 1919–1920 гг. запустение Петрограда стало почти реальностью; образ вымершего города неизменно возникает в воспоминаниях об этой поре. В ночь на 14 мая 1919 г. Рюрик Ивнев записал в своем дневнике: «Приехал (в Киев. — К.Д.) пианист Дубянский из Петербурга. Рассказывает всякие ужасы: холод, голод, мертвенность улиц. “Петербургу быть пусту”. Сбылось это ужасное пророчество»⁴⁹.

В дальнейшем писатели и поэты воспринимали пророчества XVIII–XIX вв. глазами творцов Серебряного века. (Аналогичный вывод, сделанный на другом материале: «Появление мифа, определившего “genius loci” города, <...> более уместно датировать аван-

⁴⁶ Устрялов Н.В. Судьба Петербурга // Москва — Петербург: pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания. Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 396, 399–400. (1-я публ.: Накануне. 1918. 7 апреля.)

⁴⁷ Гиппиус В.В. Сон в пустыне // Москва — Петербург: pro et contra: Диалог культур в истории национального самосознания. Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 384, 386. (Впервые опублик. в сборнике «Петербург и Москва», вышедшем в Петрограде в апреле 1918 г.)

⁴⁸ Петербург в поэзии русской эмиграции: первая и вторая волна / сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Р. Тищенко, В. Хазана. СПб.: Акад. проект, 2006. С. 420.

⁴⁹ Ивнев Р. Жар прожитых лет: воспоминания, дневники, письма. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. С. 221.

гардистской эпохой — “мирискуснической” и символистской <...>. Именно тогда сформировался петербургский миф в результате вторичного чтения русской классики авангардистским сознанием» [5].) То же в огромной степени относится к работам о «петербургском мифе» и «петербургском тексте». Результатом такой искаженной оптики стало представление о формуле «...быть пусто» как изначальном проклятии, тяготеющем над Петербургом и сближение и даже отождествление этой формулы с эсхатологией старообрядцев.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991. 84, [5] с.
2. *Бернадский С.В.* Образ Петербурга в «Отрывке» III части «Дядюв» А. Мицкевича и его роль в формировании литературной традиции города // Анциферовские чтения: Материалы и тез. конф. (20–22 декабря 1989 г.). Л.: Ленингр. отделение Сов. фонда культуры, 1989. С. 107–110.
3. *Бушкович П.* Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г. Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самар. ун-т, 2000. С. 80–120.
4. *Вейдле В.В.* Задача России. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 230, [1] с.
5. *Голынкин-Вольфсон Д.* Петербург: крах мифа и кризис иллюзий // На дне. СПб., 1998. Вып. 4. URL: http://www.pressa.spb.ru/newspapers/na_dne/arts/na_dne-37-art-8.html (дата обращения: 09.08.2019).
6. *Гринлиф М.* Пушкин и романтическая мода: Фрагмент. Элегия. Ориентализм. Ирония. СПб.: Акад. проект, 2006. 381 с.
7. *Гурьянова Н.С.* Эсхатологическое учение староверов и мессианское царство // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 6–11.
8. *Долгополов Л.К.* Миф о Петербурге и его преобразование в начале века // *Долгополов Л.К.* На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 150–194.
9. *Душенко К.В.* Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 2. С. 34–54. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-34-54>
10. *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь: Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 136–163.
11. *Исупов К.Г.* Историческая мистика Петербурга // Метафизика Петербурга. СПб.: Эйдос, 1993. Вып. 1. С. 63–73.
12. *Краснова Т.И.* Типы эмигрантских газет 1918 г. по содержательно-идеологическим признакам (опыт изучения содержания и формы) // Вестник С.-Петерб. ун-та: История, языковедение, литературоведение. 1995. № 3. С. 107–109.

13. *Лихачев Д.С.* Николай Павлович Анциферов; *Кумпан К.А., Конечный А.М.* Комментарии к факсимильной части; Список переименованных топонимов Петербурга. М.: Книга, 1991. 101 с.

14. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 215 с.

15. *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1987. 350 с.

16. *Панченко А.А.* Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 158–169.

17. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 7–118.

Research Article

“Let it be Empty”: “The Curse of Eudokia” and its Reception in Russian Culture of the 19th – Early 20th Centuries

© 2023. Konstantin V. Dushenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Since the beginning of the 20th century, the leitmotif of the theme of the end of St. Petersburg is the so-called “curse of Eudokia”: “Petersburg to be empty.” This is a contamination of two quotes from the Petrine era. Both of them, when they appeared, did not have any distinct eschatological sound, and both were not known in the era of romanticism. From the 1860s to the beginning of the 20th century the prophecy “Let it be empty” was cited as a formula of the retrograde of the reign of Peter the Great, moreover as a prediction or threat, but not a curse. Actual eschatological sound was given to him by Merezhkovsky in the novels “Peter and Alexei” (1904–1905), “Alexander I” (1911–1912) and the article “Petersburg to be empty” (1908). The formula “St. Petersburg to be empty” entered the political agenda on the eve and after the February Revolution, in connection with rumors about the surrender of Petrograd to the Germans and the government moving to Moscow. Afterwards the 19th centuries prophecies were perceived by the eyes of the creators of the Russian symbolism. The result of such distorted optics was the idea of the formula “Let it be empty” as the original curse that gravitates over St. Petersburg, as well as identification of this formula with the eschatology of the Old Believers.

Keywords: Petersburg text, St. Petersburg myth, eschatology, prophecies, Russian Symbolists, Tsarina Eudokia, Peter I, D.L. Mordovtsev, D.S. Merezhkovsky, V.N. Toporov.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko — DSc in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the

Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlm.ru

For citation: Dushenko, K.V. “‘Let it be Empty’: ‘The Curse of Eudokia’ and its Reception in Russian Culture of the 19th–Early 20th Centuries.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 173–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-173-194>

References

1. Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga* [Soul of Petersburg; Petersburg of Dostoevsky; Reality and Myth of Petersburg]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 84, [5] p. (In Russ.)
2. Bernadskii, S.V. “Obraz Peterburga v ‘Otryvke’ III chasti ‘Dziadov’ A. Mitskevicha i ego rol’ v formirovanii literaturnoi traditsii goroda” [“The Image of St. Petersburg in the ‘Fragment’ of the III Part of ‘Dziady’ by A. Mickiewicz and its Role in the Formation of the Literary Tradition of the City”]. *Antsiferovskie chteniia: Materialy i tezisy konferentsii (20–22 dekabria 1989 g.)* [Antsiferov Readings: Materials and Abstracts of the Conference (December 20–22, 1989)]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie Sovetskogo fonda kul'tury Publ., 1989, pp. 107–110. (In Russ.)
3. Bushkovich, P. “Istorik i vlast’: delo tsarevicha Alekseia (1716–1718) i N.G. Ustrialov (1845–1859)” [“Historian and Power: The Case of Tsarevich Alexei (1716–1718) and N.G. Ustryalov (1845–1859)”]. *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial Period: An Anthology]. Samara, Samara University Publ., 2000, pp. 80–120. (In Russ.)
4. Veidle, V.V. *Zadacha Rossii* [Russia's Challenge]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1956. 230, [1] p. (In Russ.)
5. Golyngo-Vol'fson, D. “Peterburg: krakh mifa i krizis illiuzii” [“Petersburg: the Collapse of the Myth and the Crisis of Illusions”]. *Na dne*, issue 4, 1998. Available at: http://www.pressa.spb.ru/newspapers/na_dne/arts/na_dne-37-art-8.html (Accessed 08 September 2019). (In Russ.)
6. Grinlif, M. *Pushkin i romanticheskaia moda: Fragment. Elegiia. Orientalizm. Ironiia* [Pushkin and Romantic Fashion: Fragment. Elegy. Orientalism. Irony]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 381 p. (In Russ.)
7. Gur'ianova, N.S. “Eschatologicheskoe uchenie staroverov i messianskoe tsarstvo” [“The Eschatological Doctrine of the Old Believers and the Messianic Kingdom”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, 2000, pp. 6–11. (In Russ.)
8. Dolgopолоv, L.K. “Mif o Peterburge i ego preobrazovanie v nachale veka” [“The Myth of St. Petersburg and Its Transformation at the Beginning of the Century”]. Dolgopолоv, L.K. *Na rubezhe vekov: O russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka* [At the Turn of the Century: On Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1977, pp. 150–194. (In Russ.)
9. Dushenko, K.V. “Peterburgskaia legenda o navodnenii i mif o ‘kontse Peterburga’.” [“The St. Petersburg Flood Legend and the Myth of the ‘End of St. Petersburg’.”]. *Filosofia*.

Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, vol. 5, no. 2, 2021, pp. 34–54. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-2-34-54> (In Russ.)

10. Efimov, S.V. “Evdokiia Lopukhina — posledniaia russkaia tsaritsa XVII veka” [“Evdokia Lopukhina — the Last Russian Tsarina of the 17th Century”]. *Srednevekovaia Rus’: Sbornik nauchnykh statei k 65-letiiu so dnia rozhdeniia professora R.G. Skrynnikova* [Medieval Rus’: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 65th Anniversary of the Birth of Professor R.G. Skrynnikov]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1995, pp. 136–163. (In Russ.)

11. Isupov, K.G. “Istoricheskaia mistika Peterburga” [“Historical Mysticism of St. Petersburg”]. *Metafizika Peterburga* [Metaphysics of St. Petersburg], issue 1. St. Petersburg, Eidos Publ., 1993, pp. 63–73. (In Russ.)

12. Krasnova, T.I. “Tipy emigrantskikh gazet 1918 g. po sodержatel’no-ideologicheskim priznakam (opyt izucheniia sodержaniia i formy)” [“Types of Emigre Newspapers in 1918 According to its Content and Ideological Features (The Experience of Studying the Content and Form)”]. *Vestnik S.-Peterburgskogo universitetata: Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, no. 3, 1995, pp. 107–109. (In Russ.)

13. Likhachev, D.S. *Nikolai Pavlovich Antsiferov* [Nikolai Pavlovich Antsiferov]; Kumpun, K.A., and A.M. Konechnyi. *Kommentarii k faksimil’noi chasti; Spisok pereimenovannykh toponimov Peterburga* [Comments to the Facsimile Part; List of Renamed Toponyms of St. Petersburg]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 101 p. (In Russ.)

14. Nikolozii, R. *Peterburgskii panegirik XVIII veka: Mif — ideologiia — ritorika* [St. Petersburg Panegyric of the 18th Century: Myth — Ideology — Rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2009. 215 p. (In Russ.)

15. Ospovat, A.L., and R.D. Timenchik. “Pechal’nu povest’ sokhranit’...”: *Ob avtore i chitateliakh “Mednogo vsadnika”* [“To Save the Sad Story...”: About the Author and Readers of “The Bronze Horseman”]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 350 p. (In Russ.)

16. Panchenko, A.A. “Peterburg kak stolitsa skoptsov” [“St. Petersburg as the Capital of Eunuchs”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2, 2004, pp. 158–169. (In Russ.)

17. Toporov, V.N. “Peterburg i ‘Peterburgskii tekst russkoi literatury’ (Vvedenie v temu)” [“St. Petersburg and ‘St. Petersburg Text of Russian Literature’ (Introduction to the Topic)”]. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [Peterburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003, pp. 7–118. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.11.2022
Одобрена после рецензирования: 11.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 07.11.2022
Approved after reviewing: 11.01.2023
Date of publication: 25.03.2023